

Память

Много трагических страниц в героической летописи блокады Ленинграда. Это не только отчаянное сопротивление осаждённого города и мужество его жителей, но и вера в победу, надежда, с которой после войны выжившие искали близких.

Об этой трагической поре рассказывают ветераны Великой Отечественной, дети, подростки, вывезенные на «большую землю», которых сегодня называют «дети войны», их близкие родственники.

Крошки хлеба

Полвека назад ехал с друзьями в Челябинск на школу комсомольского актива. В дороге решили перекусить, и кто-то небрежно смахнул крошки хлеба в ладонь, затем – в раскрытое окно вагона. Сосед осуждающе покачал головой. Потом разговорились. Собеседник был из Магнитогорска. Вот его рассказ:

«В конце 1941 года в город прибыл состав с эвакуированными из Ленинграда детьми. Встречавшие были поражены строгими и сосредоточенными лицами детишек: они не разговаривали и даже не плакали – просто молчали. К прибытию поезда на станцию подали подводы с большими коробами сена, тулупами и одеялами. Детей встречали учителя, воспитатели детдома, местные жители. Сначала маленьких ленинградцев привели в столовую. Они ели молча. Каждую крошку хлеба дети собирали в рот или в маленький спичечный коробок, где уже лежали другие крошки. Граммами чёрного хлеба измерялась для них цена жизни.

В тот же день укутанных в тулупы детей развезли в интернаты и по деревням. Прошла зима. Дети оправились от болезней и истощения, на их лицах появились улыбки.

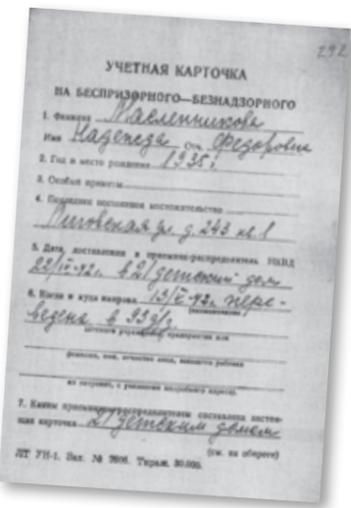
Уральская деревня военных лет провожала на фронт сыновей и получала на них «похоронки», голодала, но выращивала для армии хлеб, делила свой скудный паёк с теми, кого приютила в нелёгкие годы. Дети из Ленинграда тоже помогали фронту: шили кисеты бойцам, летом заготавливали и сушили ягоды и грибы, зимой собирали хвою сосны, из которой варили целебный настой для госпиталей. Это был их вклад в победу. Окончилась война. Для одних детей это означало скорую встречу с родителями, у других война забрала родных и близких. В эвакуации дети жили одной семьёй, одной судьбой и мечтой. Теперь для тех, кто уезжал, началась новая жизнь, от которой они уже отвыкли...»

Собеседника звали дядей Володицей, и он, как мне кажется, был одним из тех блокадных детей.

«Ленинградцы, дети мои...»

27 января 1944 года – важная дата в военной истории страны – день полного снятия блокады Ленинграда

Сил не было плакать

Ольга Анцупова бережно хранит дневник матери, Надежды Фёдоровны Масленниковой (Быковой), который она вела незадолго до смерти. Вот фрагменты её воспоминаний:

«...В детдоме я пошла в первый класс. Помню фамилию учительницы – Пивоварова. Имени-отчества не помню. Старая, седая, худая. Пом-

ню её дрожащие с раздутыми суставами руки. Почему-то очень синие. В школе нам давали по малюсенькому кусочку хлеба. Учительница всегда отдавала свой кусок самым слабым. Она умерла от голода на наших глазах во время урока...

О том, как нас эвакуировали, писать страшно. Сначала везли до Финского залива. Бомбёжки. Воспитатели кричат: «Дети! Прячьтесь!» Мы разбежались, ложились в канавы, ямы, кусты. Некоторым было по два-три года. Потом нас собирали второпях, но уже не всех: кого-то убило, кого-то просто не нашли. Самые маленькие, забившись в ямы, полужасыпаные землёй, от страха просто не откликнулись. Сколько было таких «потеряшек» – не знаю.

Потом посадка на катера и снова авианалёт. Совсем близко тонут два катера. На нашем вперемешку на палубе мёртвые дети вместе с живыми. Запах крови, истощенные крики... Потом поезд. На каждой станции выносят умерших детей. Рядом со мной Женя Кульсинова – мы с ней с одной улицы и обе попали в один детдом.

Женю, как и меня, ранило ещё в Ленинграде: меня до детдома, а её уже в детдоме, во время авиа-

налёта. В тот раз Жене повезло: её накрыла собой наша воспитательница. Так их и нашли: мёртвую воспитательницу, а под ней – Женю Кульсинову с осколком в голове.

После поезда плыли пароходом по Волге от причала к причалу: города уже никого не принимали, так как были переполнены беженцами и эвакуированными. Наконец, нас приняли Сызрань. Разместили всех выживших сначала в школьном здании. Приходили местные – глядели на нас и плакали. А мы – нет, мы не плакали – сил не было...

Люди по доброте своей стали носить еду, подкармливать, а мы вдруг начали умирать. Умирали в мучениях. Взрослые потом говорили, что нельзя было после такого голода давать детям сразу столько еды».

Война, убивающая дважды

«Война, словно раздосадованная тем, что не убила мою маму осколком авиабомбы весной 1942 года, решила уничтожить её во второй раз, записав, в военной неразберихе, в погибшие, – продолжает рассказ Ольга Анцупова. – Только вот её бабушка не поверила ни документам, ни очевидцам, ни

«достоверной» информации о гибели внучки. Сразу же после снятия блокады эта немолодая уже, 1872 года рождения женщина, прошедшая в годы войны оккупацию, арест и чудом выжившая после расстрела, начала поиск моей мамы. Две «карточки беспризорного-безнадзорного» (на снимке) с разными данными, обнаруженные в картотеке эвакуированных детей, заставили бабушку сначала исходить пешком детдома и приёмники-распределители Юрьевоцкого района Ивановской области, а позднее отправиться в Сызрань Куйбышевской области.

Она не верила, когда ей говорили, что внучка погибла на Ладоге на одном из потопленных фашистами катеров. Не слушала, когда убеждали, что девочка умерла от ран и была похоронена в одной из многочисленных безымянных могил на каком-то полустанке. А когда промелькнула информация, что, возможно, её усыновили как «круглую сироту», бабушка даже обошла всех сызранцев, кто в те годы брал в свои семьи детей-блокадников. И лишь в августе 1948 года в одном из детских домов она нашла всё-таки свою внучку. В тот день бабушке исполнилось 76 лет. И, как она потом говорила, это был самый памятный её день рождения и самый бесценный подарок, который она когда-либо получала в жизни...

В 2009 году война всё-таки догнала мою маму, Надежду Фёдоровну, сдвинув осколок бомбы у сердца».

Горькие строчки памяти

«У меня тётя блокадница, – рассказывает Наталия Скачкова. – Сосед до войны работал мясником. Он принёс из магазина пенёк, на котором когда-то рубили мясо, девочке он подарил несколько щепочек от этого чурбака, которые отварили, а бульон выпили».

«Весной 1942 года нас сняли с позиций и отправили в Ленинград мёртвых хоронить, – вспоминал участник Великой Отечественной войны, очевидец тех событий Фёдор Иванович Горюнов. – Их складывали штабелями, как дрова: стариков, женщин, детишек. Тела начинали разлагаться, а земля была ещё мёрзлой. Мы рвали её толом на Пискаревском кладбище и складывали погибших и умерших в могилы-рвы...»

Сколько их было, детей, исковерканных в мясорубке, затеянной взрослыми? Обожжённое детство им потом будет аукаться всю жизнь. Хочется, чтобы эта война стала последней, чтобы не плакали дети, искалеченные безжалостными жерновами.

✍ Валерий Ефимов, краевед

Резонанс

Кто же рядом с Носовым?

После публикации в «ММ» 21 января старого фото с военным директором Магнитки Григорием Носовым и его неизвестными спутниками читатели активно открылись на просьбу помочь узнать, кто же рядом с Григорием Ивановичем.

Предположение редакции о том, что слева – начальник треста «Магнитострой» Вениамин Дымшиц, подтвердили несколько читателей. Более того,

Разгадываем тайны старого фото вместе

выяснилось: подобная фотография с указанием на Вениамин Эммануилович печаталась в литературе о нём.

Интересным фактом поделилась позвонившая в редакцию Мария Щепёткина. В 1941 году шестнадцатилетней девчонкой пришла она в новомехани-

ческий цех ММК, который делал противотанковые снаряды. Потом девушек отправили на ремонт доменных печей убирать мусор, рабочими инструментами были кайло, лопата и носилки. Узнав Дымшица, Мария Михайловна вспоминает и о давней, военных лет, публикации в «Магнитогорском рабочем» с фото Вениамин Эммануиловича и стихами: «Осмер, Дымшиц и Гуревич, / Вдохновением горя, / Воздвигают печь за

печью, / Слово три богатыря». Сейчас Марии Щепёткиной 91 год, но и три четверти века спустя она помнит и эти строки, и тяжёлые военные годы, когда помогала выстоять гордость за страну, город и родной комбинат.

Виктор Мошкунов прислал в редакцию обстоятельное письмо, где проводит параллели с реалиями военных лет и сегодняшним положением в мире. Приведём ту часть письма, где Виктор Серафимович рассказывает, что увидел на фотографии с Носовым и Дымшицем: «Вероятно, фото сделано в конце апреля – начале мая 1943 года. Должна была состояться тегеранская встреча глав государств. На Магнитке с первых лет работали американские инженеры и квалифицированные рабочие – работа в Советской России спасала во время экономической депрессии 1929 года. Рузвельт обратился к Сталину с просьбой, чтобы кто-то из иностранных специалистов посетил ММК. Была составлена

обширная программа встречи. Предполагаю, что это был далеко идущий план – чтобы сделанные на предприятии наблюдения и фото в дальнейшем помогли американцам проанализировать его работу. Я рассмотрел на фото каждый штрих. И так, снимок сделан не на коксохиме, а, если можно так выразиться, на нейтральной полосе между коксохимом и доменным цехом, и рядом с Григорием Ивановичем и Вениамином Эммануиловичем – скорее всего, гости из США».

Что ж, возможно, так оно и есть. Виктор Серафимович отмечает и то, что магнитогорцы выглядят не хуже приезжих – и одеты элегантно, и держатся с достоинством.

Если у кого-то из читателей «ММ» есть другие версии – пишите или звоните в редакцию автору материала. А редакция, в свою очередь, обещает и впредь делиться с магнитогорцами редкими фото из истории города и комбината.

✍ Елена Лещинская